

Хань Фэй вошел в несколько других комнат, и всё, что он увидел, было столь же ужасающим. Все комнаты имели одинаковую планировку, и в каждом шкафу был заперт мальчик. Судя по фотографиям, критерий, который Бабочка использовала для отбора мальчиков, был очень простым.

Мальчики должны были быть симпатичными или, по крайней мере, соответствовать стандартам красоты своих чудовищных родителей; и у мальчиков должна была быть счастливая жизнь, прежде чем их схватят. Фотографии в шкафах фиксировали изменения, произошедшие с мальчиками, нужен был только шкаф, чтобы превратить человека в монстра.

'Почему Бабочка это делает? Просто чтобы выплеснуть свою ненависть?'

Фотографии в шкафах содержали ненависть Бабочки, и в этой ненависти Хань Фэй почувствовал ревность, но он думал, что всё не так просто. Талант Бабочки был связан с ночными кошмарами, она могла проникнуть в кошмар живого человека, а затем через сон начал влиять на реальность своей цели. После выполнения определенного условия Бабочка могла перетащить сознание своей цели в загадочный мир. Этот талант был чрезвычайно пугающим, и детство Бабочки сыграло огромную роль в развитии этого таланта.

Когда Хань Фэй принял миссию "Ночь воскрешения", он получил несколько подсказок о прошлом Бабочки. В процессе того, как биологические родители выбросили его тело, ненависть и негодование в его сердце, казалось, достигли невообразимой высоты, и его сознание погрузилось в ночные кошмары. Он столкнулся с аномалиями, и тогда началась его трансформация. Мир потерял замученного ребенка, но обрёл крылатый кошмар во плоти.

Во всех шкафах были заперты дети. Бабочка перенесла свою боль на этих невинных мальчиков, чтобы её собственная ненависть заполнила мозг и сознание мальчиков до тех пор, пока дети не достигли бы своих пределов, и их сознание не разрушилось и не стало частью шкафов.

— Бабочка "дарит" бесконечную боль и кошмары, кажется, она черпает из них силу. — Хань Фэй обернулся. Этот мальчик мог свободно бегать по подвалу 4-го этажа, его лицо было наполнено невинностью и растерянностью. Он очень естественно держался за руку Хань Фэя. Маленькая ручка была на ощупь гладкой, как кожа младенца. Его лицо было безупречно милым, создавая разительный контраст с детьми, которых Хань Фэй видел внутри шкафов.

На самом деле Хань Фэй уже думал об убийстве этого мальчика. Он вспомнил, что, когда они вошли в первую спальню, именно этот мальчик заставил запертого в шкафу ребёнка превратиться в кровавый пузырь. Мальчик хоть и милый, но он убил множество людей в закоулках, которых никто не мог видеть.

— Мы осмотрели все комнаты на этом этаже, я не думаю, что твой дом здесь. — Хань Фэй подошёл к углу лестничной клетки. Ступени, ведущие под землю, были перекрыты чёрными досками, покрытыми странными узорами. Доски не выглядели металлическими или даже деревянными. Они были похожи на панцирь какого-то странного существа. Черный туман просачивался между досками, источник тумана был скрыт глубже под землей. Поскольку лестница была закрыта, Хань Фэй отвел мальчика обратно к лифту.

Мальчик сопротивлялся лифту, казалось, у него была клаустрофобия. Хань Фэй взял мальчика за руку и уговорил его зайти в кабинку. По сравнению с тем, когда они прибыли, стены кабины лифта теперь украшали красные узоры. Когда старый механизм заскрипел, лифт начал двигаться вниз.

Подземный 5-й этаж, 6-й этаж... Кабина лифта, казалось, отправляла их в глубокое море.

Ощущение удушья усиливалось, и кабинку начало потряхивать, как будто её сжимали. Никто не знал, насколько глубоко уходит эта шахта. Хань Фэй посмотрел на номер на панели и задумался о чём-то другом. Если бы на каждом этаже были комнаты, заполненные мальчиками в шкафах, то сколько же детей всего содержалось в Зиккурате? Даже тут Бабочка заслуживала смерти.

Лифт замедлил ход. Когда число на экране сменилось на - 7, кабинка уже сильно изогнулась. Из щели сочилась кровь. Она напоминала засыхающую красную краску.

Бах! Кабина затряслась. Как раз в тот момент, когда Хань Фэй подумал, что не может дышать, лифт наконец остановился. Двери открылись, и в кабинку влетел чёрный туман. Студент пола охранял Светлячка и Лай Шэна. Троица пострадала от черного тумана. Знаки смерти появились в их глазах, и их Смертельные проклятия медленно начали активироваться.

— Я чувствую, что моя голова раскалывается, мы не можем опуститься ещё ниже. — Студент стиснул зубы, поддерживая Светлячка и используя своё тело, чтобы заслонить Лай Шэна, он никогда так сильно не заботился о других, когда был жив.

— Я не знаю, как заставить этот лифт подниматься. Если вы не можете пойти с нами, тогда лучше подождать внутри лифта. — Слова Хань Фэя поставили студента в тупик.

'Как живому человеку удалось выжить в такой среде?'

Держа мальчика за руку, Хань Фэй вышел из лифта. На первый взгляд, ни один из них не выглядел так, словно изменился. Не похоже было, чтобы чёрный туман подействовал на них. Мальчик родился в чёрном тумане, так что он просто привык. На спине Хань Фэя появились красные буквы.

"Благословение", оставленное Цзинь Шэном, помогло ему заблокировать чёрный туман. Хань Фэй понятия не имел, как долго он сможет сопротивляться, поэтому ему отчаянно нужно было как можно скорее подобраться к истине.

Подвал на 7-м этаже был намного больше, чем на 4-м. На стене был чёткий узор. Блоки, из которых были сложены стены на этом этаже, были не кирпичами, а чем-то похожим на коконы. Хань Фэй изучил узор, и ему показалось, что тот выглядит знакомым. - Узор на этих стенах похож на узор на человеческих коконах.

'Весь зиккурат - это кокон? Почему кокон излучает такой страшный чёрный туман?'

Чёрный туман, который исходил из-под земли, смог заманить Певца в ловушку, так что существо внутри кокона тоже должно быть, по крайней мере, неупоминаемым!

— Зиккурат - это всего лишь карта класса Е, тот факт, что в ней есть Чистая ненависть - напрягает, здесь не должно быть неупоминаемого. — Оценка миссии системой была основана на фиксированном шаблоне, могут быть некоторые вариации, но они не должны быть настолько значительными. Прикоснувшись к рисунку на стене, Хань Фэй открыл одну из дверей. Планировка помещения была похожа на ту, что находилась в подвале 4-го этажа, как будто комнаты для всего подземелья были построены по памяти одного человека.

Хань Фэй вошёл в спальню и заметил огромный шкаф. Прежде чем он подошел ближе, из шкафа донёсся тихий плачущий голос вперемешку с мольбами. Хань Фэй приподнял бровь. Все дети, с которыми Хань Фэй столкнулся в шкафах, уже были овощами. Они даже не могли выразить свою боль, не говоря уже о том, чтобы общаться.

Открыв шкаф, он увидел как из небольшого пространства, заваленного грязной одеждой, выкатился чёрный туман. Когда запах и туман рассеялись, из груды одежды высунулась раненая рука.

— Убей меня, пожалуйста, убей меня. — Голос внутри кучи умолял умереть, он отказался от сопротивления.

— Пожалуйста, не паникуй, ты меня слышишь? — Хань Фэй наконец-то увидел мальчика в шкафу. Его глаза слипались. Лицо было изуродовано, он едва походил на человека.

— Кто это? — Мальчик был зрелым не по годам. Он замахал руками, собираясь что-то сказать, когда к нему подбежал мальчик, следовавший за Хань Фэем.

— Этот младший умеет говорить? — Мальчик задал этот вопрос невинным тоном. Однако, когда мальчик в шкафу услышал голос, он сразу же сломался. Он знал, что его ждёт конец, поэтому громко крикнул:

— Иди на самый нижний этаж! Ты должен уничтожить там сердце! Мёртвое сердце! Только уничтожив его, мы сможем спастись...

Изо рта мальчика хлынула черная кровь. Кровь залепила рот и уши мальчика. Он больше не мог говорить.

— Сердце... — Раненые руки опустились. Мальчик был мгновенно поглощен шкафом. Остались только его фотографии.

'Чем глубже мы спускаемся, тем сильнее сознание мальчиков, запертых в шкафах?'

Хань Фэй тихо убрал фотографии со шкафа. Судя по выражению его лица, никто не смог бы сказать, о чем он думает. Люди могли подумать, что он оплакивает смерть ребёнка, но на самом деле он размышлял о том, как убить ещё одного. Его голова закружилась. За короткий промежуток времени Хань Фэй придумал около 10 сценариев, но когда он собирался привести их в действие, рука, в которой прятался Большой Грех, дернулась от боли, как бы говоря Хань Фэю, что он умрет, если сделает это.

'Что не так с этим ребёнком? Это детство Бабочки? Что ж, по крайней мере, он пока не собирается меня убивать.'

Хань Фэй прошёл через весь подвал 7-го этажа. Мальчики, запертые здесь, подтвердили его мысли. Дети здесь были сильнее, чем на 4-м этаже, как морально, так и физически. Шары кошмаров, которые они образовали после того, как их сознание было разрушено, также были страшнее, чем те, что были в подвале 4-го этажа.

— Возможно, чем глубже я спущусь, тем больше смогу найти детей, с которыми смогу полноценно общаться. — Сердце Хань Фэя загорелось надеждой. Он сказал студенту охранять Светлячка и Лай Шэна в коридоре подвала 7-го этажа, в то время как сам спустился с мальчиком глубже под землю. Не имея возможности выйти из игры, Хань Фэй нечего было терять.

'Прежде чем получить Идеальную жизнь, я действительно думал о смерти, но ежедневное соприкосновение со смертью заставляет тебя намного больше ценить жизнь'.

Держа мальчика за руку, Хань Фэй посмотрел на медленно закрывающуюся дверь. Он мог бы

умереть, если бы спустился ниже, но всё равно решился это сделать.

'Сейчас для меня это лучшая возможность. Управляющий всё ещё не воскрес, единственное, с чем мне сейчас нужно встретиться лицом к лицу – этот мальчик.'

Бабочка была намного сильнее Хань Фэя, но на его стороне было много помощников. В реальной жизни Бабочку преследовала полиция, и её основное сознание было подавлено Хуан Инем. Однако Бабочке нечего бояться Хань Фэя. Стражники, оставленные ей в Зиккурате, были достаточно хороши, чтобы справиться с самыми могущественными Задержавшимися Духами, но Хань Фэй каким-то образом привёл в Зиккурат неупоминаемого. Цифра на панели продолжала меняться. Кабинка закрипела так, словно вот-вот сломается. Когда число достигло - 9-ти, чёрный туман стал похож на море. На этом этаже не было никаких следов Охотников за душами, была только Смерть. Стены будки были помяты, как будто их проломили внешней силой. У Хань Фэя тоже дела шли не слишком хорошо. История, которую оставил в нём Цзянь Шэн, была принудительно удалена и изменена чёрным туманом.

На тело Хань Фэя обрушилось сильное давление. Смерть проникла в каждую клетку его тела, словно преобразуя его самого. Красные символы, оставленные Цзянь Шэном, не смогли остановить чёрный туман. Разбившись вдребезги, они превратились в красные цепи и заползли в тело Хань Фэя, словно сомкнувшись вокруг его сердца.

Когда чёрный туман проник в его тело, на лице Хань Фэя можно было заметить три основных изменения. Как и у мальчиков в шкафах, его физическое тело начало мутировать. 3 мутировавшие области представляли собой 3 различных смертельных проклятия. Хань Фэй понятия не имел, когда на него наложили проклятие. Он попытался точно определить, откуда исходит боль.

Капилляры возле его сердца вздулись. Появился силуэт, обозначающий Смерть, но тот был заблокирован цепью Цзянь Шэна, и он не смог проникнуть в сердце Хань Фэя.

Кости в его ладони раздробились и видоизменились до такой степени, что там спрятался Большой Грех. Первые 2 проклятия были заблокированы Цзинь Шэном и Большим Грехом, но ничто не остановило последнее Смертельное проклятие. Ужасная боль пронзила затылок Хань Фэя, ему показалось, что кто-то пытается вонзить гвоздь ему в мозг. Он не мог видеть, что там происходит, но у него было ощущение, что кто-то копается в его памяти.

— Прежде чем ты вошёл в Зиккурат, я уже проклял тебя. Ты умрёшь, если войдешь в Зиккурат!
— Незнакомый голос эхом отозвался в его голове. Все, что пережил Хань Фэй, было затронуто смертью и потеряло свой свет. Его жизнь, которая стала более яркой после того, как он обрёл Идеальную жизнь, снова погрузилась в безысходную черноту. Сознание Хань Фэя погрузилось в море отчаяния!

Кабина лифта медленно теряла форму из-за Смерти, и это происходило и с сознанием Хань Фэя. Он не мог ни дышать, ни даже пошевелить пальцем. Он чувствовал себя так, словно его раздавливали.

Красная кровь хлынула в его потемневший разум. Сначала было всего 1 или 2 капли, но постепенно его разум окрасился в красный цвет.

— Я наконец-то смогу это увидеть? — Голос незнакомца, казалось, скрывался в Смертельном Проклятии.

— После устранения ограничений доброты и греха, после устранения цепей детских

воспоминаний, позволь мне увидеть то, что скрыто в твоём мозгу! — в отчаянии произнес странный голос. Три Смертельных проклятия активизировались одновременно, намереваясь сокрушить разум и тело Хань Фэя. Память Хань Фэя теперь была на 90% чёрной. Но эти последние 10% отказались чернеть, несмотря ни на что. Эта часть его памяти уже была красной, каждая сцена из этого воспоминания была пропитана кровью.

Под напором Смертельных проклятий из красной памяти донёсся смех. Поначалу голос был тихим, но со временем стал громче и неистовей.

Когда всё кроваво-красные воспоминания соединились воедино, кровавые фрагменты образовали старый сиротский приют, где заточён в ловушку смеющийся безумец! Никто не знал, что он пережил, но он не мог прекратить смеяться.

— Так это и есть настоящий ты? Позволь мне помочь тебе снять фальшивую маску, и давай посмотрим, такие ли мы люди! Дай мне посмотреть, подходишь ли ты для того, чтобы стать сосудом для моей воскресшей души!

Цифра на панели быстро менялась, и пространство внутри кабины становилось всё меньше и меньше.

Поверхностная память Хань Фэя полностью почернела. Смеющийся безумец чего-то ждал, но независимо от того, насколько глубоко Смертельные проклятия запечатлелись в сознании, они не смогли прорваться через сиротский приют, где находился безумец.

Темно-красный цвет был уже за пределами черноты смерти. Смертельные проклятия обрушились на него, но они не смогли унести с собой ни единого фрагмента самого важного воспоминания Хань Фэя.

Голос внутри Смертельных проклятий стал взволнованным. Они сражались в голове Хань Фэя до тех пор, пока черные воспоминания не начали расходиться рябью и в серой жизни Хань Фэя не вспыхнул свет.

Он впервые разговаривает с Вэй Юфу, видит, как Маленькая Восьмерка выращивает цветы по соседству, помогает Мэн Чанси захватить Мэн Чананя, помогает Ин Юэ отомстить Мин Мэй, уничтожает мясокомбинат на Скотном переулке... Яркие пятна в памяти Хань Фэя светились в темноте.

К Хань Фэю вернулась некоторая рациональность в его сознании. Его руки слепо размахивали вокруг, пока пальцы не ухватились за что-то твердое!

— Покойся с миром! — Сверкающее лезвие было подобно пылающему пламени. Он прорезал море черного тумана. Затем, без всяких колебаний, Хань Фэй вонзил клинок в свой затылок. Лезвие пронзило что-то насквозь, но Хань Фэй не почувствовал боли.

Мгновенно в памяти Хань Фэя вспыхнул свет. Разум, развращённый тьмой, медленно возвращался к красной крови. Голос незнакомца в Предсмертных Проклятиях исчез. Он не смог завладеть мозгом Хань Фэя, но вместо этого высвободило часть кроваво-красной памяти в сознании Хань Фэя.

Ужасающий хохот донёсся из самых глубин сознания Хань Фэя, и он эхом отозвался в его ушах, как будто позади него стояла обезумевшая версия его самого.

Глаза Хань Фэя распахнулись. Уголки его глаз кровоточили, когда он огляделся. Лифт потерял

свою форму. Мальчик рухнул на землю. На его прежде милом лице появились пятна смерти. Лифт остановился. Но Хань Фэй понятия не имел, на каком этаже он находится, потому что панель не работала.

Он выглянул в щель в дверях лифта. На земле, покрытой красными цветами, виднелись осколки гигантского кокона, который покрывали отпечатки человеческого лица, он нёс в себе глубочайшую обиду. Чёрно-серый туман, окружавший Зиккурат, исходил от этих гигантских фрагментов кокона.

<http://tl.rulate.ru/book/61445/3391794>